

Милюков Александр Петрович

Доброе старое время

Очерки былого

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46   **Александр Петрович М.**
Доброе старое время: Очерки былого / Милюков Александр Петрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 272 с.

ISBN 978-5-519-96588-0

ISBN 978-5-519-96588-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

НЕПРОПАВШАГО ЧЕЛОВѢКА.

•

Какъ-бы жизнь человѣка ни прошла безслѣдно для другихъ, но она вплетается тонкой, хоть иногда и невидной, нитью въ широкую ткань своего времени. Вырвите одну такую нитку—и она дастъ понятіе не только о свойствѣ самой матеріи, но даже о характерѣ ея рисунка, узора и красокъ. Вотъ гдѣ значеніе тѣхъ мемуаровъ, какими особенно богато послѣднее время. Нечего говорить о запискахъ людей, которые играли какую-нибудь роль въ общественной драмѣ или близко ее видѣли: такія воспоминаія прямо принадлежатъ исторіи. Но и рассказы зрителя, знакомаго съ этой сценой только издали и урывками, могутъ быть несовсѣмъ безинтересными, если только они правдиво передаютъ чтó онъ видѣлъ и пережилъ.

Съ такой мыслью принялся я за мои записки, собирая въ памяти и личныя впечатлѣнія, и семейныя рассказы. Тутъ нѣтъ ни историческихъ фактовъ, ни особенно-значительныхъ встрѣчъ; но и въ легкихъ моихъ замѣткахъ

окажутся, можетъ быть, черты для характеристики той общественной среды, въ которую вплелась нить моей жизни. На этихъ страницахъ читатели найдутъ не драму или романъ, а только эпизодическіе рассказы о быломъ, обставленные не портретами и картинами, но легко набросанными эскизами и силуэтами, въ которыхъ я заботился только о правдѣ, не прибѣгая къ вымыслу и украшеніямъ.

Въ первыхъ воспоминаніяхъ личныя мои впечатлѣнія давно уже перемѣшались съ тѣмъ, что я запомнилъ изъ разговоровъ съ родными. Сквозь туманъ ранняго дѣтства, въ памяти мелькають неясные образы, и я не могу сказать, какъ они уцѣлѣли: то кажется, будто я самъ видѣлъ ихъ въ дѣйствительности, то думаю, что они сохранились по рассказамъ домашнихъ. Вотъ отчего въ моихъ первыхъ очеркахъ не можетъ быть строгой послѣдовательности и не должно искать ни полныхъ картинъ, ни лицъ отчетливо обрисованныхъ.

I.

ПЕРВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ. — ПОСЛУШНИЦА ГАЛОЧКА. — МАРШАЛЬ ДАВУ И САРАА НИКОЛАЕВНА.

Въ тѣ годы, съ которыхъ я начинаю себя помнить мы жили въ Москвѣ, недалеко отъ Новодѣвичьяго-монастыря. Отецъ мой служилъ въ то время конторщикомъ на ситцевой фабрикѣ своего двоюроднаго брата, Семена Аѳанасьевича. Эта фабрика и теперь существуетъ, хотя давно уже перешла въ третьи руки. Живо помню я это мѣсто. На самомъ Дѣвичьемъ-полѣ, по правую сторону монастыря, тянется каменный двухъ-этажный корпусъ, гдѣ бывало съ ранняго утра слышится грохотъ, какъ будто сотни поваровъ стучать ножами въ какой-нибудь исполинской кухнѣ: это были набивныя, въ которыхъ рабочіе нагоняли цвѣтные узоры на миткаль. Позади стояли деревянные сушильни съ широкими навѣсами, гдѣ вѣчно тянулись нескончаемые ряды яркихъ, только-что окра-

шенныхъ ситцевъ; а еще дальше шли красильни и другія фабричныя постройки. Я рѣдко бывалъ на этихъ дворахъ: меня не пускали послѣ того, какъ нашли однажды у машины подъ лошадьми, которыя ходили около водокачальнаго ворота. Нянька моя рассказывала, что коноводчикъ куда-то отлучился, а я зашелъ въ самый кругъ и забавлялся, какъ лошади, кружась въ своемъ обычномъ хороводѣ, шагали у меня надъ головою.

Въ главному фабричному строенію примыкалъ съ лѣвой стороны каменный жилой флигель въ два этажа. Внизу помѣщалась контора и при ней наша небольшая квартира, а наверху жилъ самъ дядя Семенъ Аоанасьичъ. Отъ верхняго этажа, отдѣланнаго съ безвкусною роскошью, широкая лѣстница вела въ садъ съ тѣнистыми алеями и прудами, который спускался до самой Москвы-рѣки. Съ высокой бесѣдки, построенной въ концѣ главной садовой алеи, рѣка видна была до самаго Дорогомиловскаго-моста, и на ней стояли передъ нашимъ заборомъ плоты, гдѣ рабочіе длинными шестами полоскали высушенные ситцы. Я любилъ смотрѣть, какъ красныя, зеленныя и голубыя полосы тянулись далеко по теченію рѣки, точно гигантскія, разноцвѣтныя змѣи, то погружаясь своими звеньями въ воду, то поднимаясь надъ нею громадными кольцами. Ихъ распускали по рѣкѣ во всю длину ткани, потомъ вытягивали шестами на плотъ, и по каж-

дой массѣ двое мужиковъ колотили въ перемежку огромными вальками, какъ бьютъ кузнецы по наковальнѣ.

Жилой флигель и садъ, какъ мнѣ рассказывали, были заново передѣланы вскорѣ послѣ нашествія французовъ. Дядя женился въ то время на бѣлицѣ Новодѣвичьяго-монастыря, которая понравилась ему эффектно-распущенной по черной рясѣ бѣлокурой косой и гибкостью низкихъ поклоновъ передъ монахинями. Впрочемъ онъ и не могъ найти лучшей жены: оба они были полные, румяные, со щеками мягкими какъ пуховыя подушки, и съ одинакими вкусами и наклонностями. Такимъ-образомъ молодая бѣлица изъ монастырской послушницы сдѣлалась богатой, полновластной хозяйкой, и мужъ отдѣлалъ для нея домъ съ разными затѣями и прихотями. Объ этой постройкѣ мнѣ такъ часто рассказывали, что я живо помню всѣ ея подробности.

Задумавъ перестроить домъ, дядя пригласилъ архитектора.

— Послушай, братецъ, началъ Семень Аванасьичъ— я кликнулъ тебя вотъ за какимъ дѣломъ: надобно мнѣ поставить новое жилье и при немъ развести садъ. Сказываютъ, ты по этой части хорошее имѣешь понятіе. Такъ можешь-ли все это въ удовольствіе мнѣ сдѣлать?

Архитекторъ отвѣчалъ конечно утвердительно.

— Слушай же, продолжалъ дядя— что я тебѣ связы-

вать буду. Домъ вытяни ты въ два этажа по двору, однимъ бокомъ къ фабрикѣ, а другимъ въ садъ. Внизу контору устрой и для служащихъ квартиры, а наверху я самъ съ женой буду жить. Тамъ сдѣлай ты мнѣ, братецъ, залу и въ ней столбы въ два ряда, а по одной сторонѣ хоры, чтобы съ нихъ, когда понадобится, музыканты играли или пѣвчіе пѣли. Ну, а другіе покои размѣсти, какъ знаешь по своему понятію. Можешь-ли ты это сдѣлать?

— Отчего не сдѣлать! сказалъ архитекторъ.

— Ну, такъ ты все это и нарисуй мнѣ на планахъ. Да только на потолокъ въ залѣ-то живописью надо расписать понаряднѣе.

— И это можно.

— А изъ комнатъ чтобы въ садъ выходъ былъ. Садъ же, братецъ ты мой, вплоть до самой рѣки насади. Сдѣлай ты мнѣ во всѣ стороны дорожки и обсади во вкусѣ деревьями и кустами. Да бесѣдки, гдѣ лучше, поставь разнаго калибра. Видѣлъ, тамъ прудъ есть? Такъ ты его пошире выкопай, да обровняй, и посередеѣ чтобы горка изъ воды подымалась, а на ней тоже бесѣдку построй—сиреню или акаціей обсади. Чай тамъ будемъ пить. Да не забудь, чтобы на пруду-то можно было на плюпкѣ кататься. Съ этой стороны земля повыше—такъ устрой, чтобы на пристань, гдѣ плюпкѣ стоять, два хода было—

одинъ наверху, а другой подъ землей. За прудомъ же я хочу устроить ходы этакіе безвыходные... лабиринтъ. Надо тутъ кругами глухія дорожки пустить, вотъ какъ въ Царицынѣ... такъ что иной разъ забредеть кто — пуцай и не выбрался-бы. Умѣешь-ли ты садъ такой развести?

— Все это можно сдѣлать, но станеть не дешево.

— Это ужъ особая статья, и мы объ ней послѣ по-толкуемъ. А теперь изготвь-ка все на чертежахъ.

Когда архитекторъ привезъ планы, Семенъ Аѳанасьичъ позвалъ на совѣтъ старшаго своего брата, служившаго у него касиромъ. Это былъ высокій, сухощавый старикъ, который вѣчно сидѣлъ за счетами или читалъ Минеи, большую книгу въ старинномъ кожаномъ переплетѣ, за-капанномъ воскомъ. Узнавъ о затѣяхъ брата, онъ нахмурился и проговорилъ ему такую рѣчь:

— Эхъ, братъ Семенъ, не дѣльное дѣло ты задумалъ. Для чего бросать трудовой капиталъ на такія прихоти? Баринъ ты что-ли именитый! Пѣвчихъ ты, кажется, можешь и въ храмъ божьемъ слушать. А ходы подземные, да лабиринты лукавый тебѣ внушилъ на погибель. Подумалъ-ли ты, что затѣваешь? Въ этихъ лабиринтахъ душа-то твоя во тѣмѣ кромѣшной заблудится. А ты бы о ней подумалъ. Капиталъ ты самъ нажилъ и воленъ распоряжаться имъ какъ хочешь, да лучше бы у Господа попросилъ внушенія: чѣмъ подземелья дьяволу копать, ты

бы храмъ божій построилъ — такъ душа твоя не заблудилась бы, а въ рай дорогу себѣ уготовала.

— А давно-ли я, возразилъ дядя — колоколъ въ монастырь отлилъ?

— Знаю, продолжалъ суровый старикъ, — да что тебѣ въ лабиринтахъ-то? Вонъ наша приходская церковь, какъ раззорена французами, такъ и стоитъ въ заустѣннѣ. Возобнови-ка ее, такъ и душѣ пользу сдѣлаешь, и отъ людей почтеніе будешь имѣть; вѣдь и государь тебя своей милостью възыщетъ — золотую медаль на шею повѣсятъ.

— Золотую?

— А самъ не знаешь, такъ спроси у добрыхъ людей. Ужъ если ты капитала не жалѣешь, такъ поради на честь нашему роду. Подземелья твои, какъ умрешь, разсыпятся, а храмъ-то на вѣки вѣчные будетъ стоять къ прославленію твоего имени.

Бесѣда эта подѣйствовала на Семена Аѳанасьича: онъ задумался и цѣлый день, говорятъ, никого не допускалъ къ себѣ, а все ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Утромъ онъ послалъ опять за архитекторомъ и обратился къ нему съ новой задачей.

— Вотъ, братецъ ты мой, началъ дядя — позвалъ я тебя опять по другому дѣлу. Надумалъ я храмъ божій строить. Видишь, наша церковь съ француза стоитъ въ безобразіи, такъ я хочу отстроить ее запово. О душѣ